

Айнур Ондаш

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИВЕРСИФИКАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ И КОНЦЕПЦИЯ
«РЕСУРСНОГО ПРОКЛЯТИЯ» (НА МАТЕРИАЛАХ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)**

В статье рассмотрены макроэкономический и институциональный подходы к анализу экономики стран-экспортёров сырья, страдающих от деиндустриализации; продемонстрирована противоречивость и несовершенство, затрудняющие их практическое применение для разработки национальной экономической политики. Показано, что реструктуризация, модернизация и диверсификация национальной экономики являются следствиями успешного поиска конкурентных преимуществ на глобальных рынках. Выявлены современные тенденции международной конкуренции как определяющего фактора выбора стратегии диверсификации национальной экономики. Обоснован авторский подход к совершенствованию этой стратегии в Республике Казахстан.

Ключевые слова: диверсификация экономики, концепция «ресурсного проклятия», ресурсоизбыточная экономика, отраслевые и структурные диспропорции экономики.
Лит. 36.

Айнур Ондаш

**АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ДИВЕРСИФІКАЦІЇ НАЦІОНАЛЬНОЇ
ЕКОНОМІКИ І КОНЦЕПЦІЯ «РЕСУРСНОГО ПРОКЛЯТТЯ»
(НА МАТЕРІАЛАХ РЕСПУБЛІКИ КАЗАХСТАН)**

У статті розглянуто макроекономічний та інституціональний підходи до аналізу економіки країн-експортерів сировини, що страждають від деіндустріалізації; продемонстровано суперечність і недосконалість, які ускладнюють їх практичне застосування для розробки національної економічної політики. Показано, що реструктуризація, модернізація і диверсифікація національної економіки є наслідками успішного пошуку конкурентних переваг на глобальних ринках. Виявлено сучасні тенденції міжнародної конкуренції як визначального чинника вибору стратегії диверсифікації національної економіки. Обґрунтовано авторський підхід до вдосконалення цієї стратегії в Республіці Казахстан.

Ключові слова: диверсифікація економіки, концепція «ресурсного прокляття», економіка з надлишком ресурсів, галузеві і структурні диспропорції економіки.

Ainur Ongdash¹

**ACTUAL PROBLEMS OF NATIONAL ECONOMY
DIVERSIFICATION AND THE NOTION OF "RESOURCE CURSE"
(THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN DATA)**

The article considers the macroeconomic and institutional approaches to the analysis of the economies of the countries which are exporting raw materials and are suffering from deindustrialization. Contradictions and bottlenecks hindering the practical implementation of the national economic policy are demonstrated. It is shown that restructuring, modernization and diversification of the national economy are the consequences of the successful finding of competitive advantages at global markets. Current trends in international competition are determined as a factor impacting

¹ PhD Student, Lecturer, Department of International Relations and World Economics, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan.

the choice of the diversification strategy for the national economy. The author's approach to the improvement of this strategy in the Republic of Kazakhstan is grounded.

Keywords: diversification of the economy; the "resource curse" notion; resource-abundant economy; sectoral and structural disproportions in the economy.

Постановка проблемы. В национальной экономике Республики Казахстан наиболее развита добывающая промышленность; в международном разделении труда страна является экспортёром сырья и продуктов «первого передела»: нефти, угля, руд и металлов. Развитие перерабатывающих отраслей промышленности – крайне важная для республики задача, не решив которую трудно обеспечить социально-экономическую стабильность казахстанского общества. На протяжении всего последнего десятилетия страна пытается преодолеть глобальную зависимость экономики Казахстана от мировых рынков природных ресурсов и геополитических устремлений его основных участников. Однако это пока не слишком хорошо получается, и в этом состоит рассматриваемая проблема.

Анализ исследований и публикаций. Какие научные идеи и подходы могли бы стать реальной основой для реализации жизненно важной для республики стратегии диверсификации национальной экономики? Известны два подхода к описанию и анализу причинно-следственных отношений в странах-экспортерах сырья, страдающих от деиндустриализации и других форм социально-экономической деградации.

Макроэкономический подход основывался на гипотезе о взаимосвязи роста сырьевого (добывающего) сектора и торможения в развитии обрабатывающих отраслей национальной экономики. С 1982 г. в экономической литературе для обозначения этого феномена используется термин «голландская болезнь» [18]. Целым рядом исследований эта гипотеза была успешно подтверждена [15; 23; 27; 28], однако многие другие исследователи так и не смогли установить наличие такой взаимосвязи [19; 29; 31; 32]. В итоге, «голландская болезнь» так и осталась не более чем красивой научной гипотезой.

Для её обоснования был использован институциональный подход. В 2001 г. была предложена концепция «ресурсного проклятия» [14]. По мнению её авторов, «проклятие» поражает только те ресурсоизбыточные страны, в которых недостаточно развиты социально-политические институты [5]. Причём увеличение «нефтяного бонуса», усиливая борьбу за ренту, в условиях политического равновесия ослабляет спрос на «хорошие» институты и приводит к их дальнейшей деградации и разрушению [13].

Если проверка гипотезы о наличии «голландской болезни» осуществлялась исследователями с помощью корреляционного анализа различных макроэкономических показателей, то доказательная база концепции «ресурсного проклятия» сводится, главным образом, к рассуждениям о «плохих» и «хороших» институтах, к философствованию, строго говоря, не имеющему ничего общего с методами экономической науки.

Объективно оценить «степень ресурсоизбыточности» национальной экономики ещё как-то можно, хотя и весьма сложно, поскольку этот показатель

зависит не только от запасов природных ресурсов, но и от стремительно меняющегося спроса и цен на мировом рынке, а также от наличия экономически эффективной технологии добычи этих ресурсов. Так, в технико-экономических обоснованиях ряда проектов по добыче нефти в условиях Казахстана добыча 10 т нефти требует затрат на оборудование и технологии, зачастую доходящих до стоимости 9 т добываемой нефти.

Но как измерить «степень развития институтов»? Объективных количественных показателей в принципе не существует. Более того, как писал К. Поппер, институты только «в некотором смысле являются осознанным и сознательно спланированным результатом человеческих действий. ... Только немногие институты сознательно спроектированы, тогда как их абсолютное большинство просто «выросло» как неспроектированные результаты человеческих действий... И даже большинство тех немногих институтов, которые были сознательно и успешно спроектированы, никогда не функционируют в соответствии с планом их создания» [24, 111]. Это означает, что институты полностью подконтрольны правительству, не могут быть изменены с помощью принятия «правильных» законов. А значит, на основе концепции «ресурсного проклятия» довольно трудно разработать конкретные меры по диверсификации ресурсоизбыточной и рентоориентированной национальной экономики. Т.е. разработать можно, но есть большие и весьма обоснованные сомнения относительно эффективности их использования.

Анализ свидетельствует, что научные подходы к описанию и анализу причинно-следственных отношений в странах-экспортерах сырья, страдающих от деиндустриализации, весьма несовершенны. Их основной недостаток – сложность (если не сказать, невозможность) практического применения. Это становится особенно заметно при анализе материалов научных конференций, участники которых пытаются выработать практические рекомендации [8; 9]. Разработка методологии диверсификации национальной экономики для стран-экспортеров сырья, страдающих от деиндустриализации, представляет собой **не решенную до настоящего времени часть проблемы.**

Цель исследования: разработать предложения по совершенствованию стратегии диверсификации национальной экономики для Республики Казахстан.

Основные результаты исследования.

1. Как показал проведенный нами анализ, главным препятствием устойчивому социально-экономическому развитию казахстанского общества является неравенство в доходах населения.

По данным Национального банка РК, 50% от суммы всех депозитов приходится на долю всего 0,1% вкладов; другая половина средств на депозитах также распределена весьма неравномерно – их имеет только 17% населения, причем суммы вкладов у подавляющего большинства совсем небольшие. По мнению казахстанских экономистов, средняя заработная плата в стране всего в 2–2,5 раза превышает реальный прожиточный минимум, расчётная величина которого сильно занижена [7]. Установлено, что среди 72 стран мира Казахстан по величине средней заработной платы (753 дол. США в месяц) занимает 53 место между совершенно «несырьевыми» Макао и Болгарией. Отставание

от ближайшего партнера по Таможенному союзу, Республики Беларусь, практически не имеющей своей нефти, составляет 206 дол. США (у «бедных» белорусов средняя заработная плата 959 дол. США в месяц) [3]. При этом степень эксплуатации наемных работников в Казахстане в два раза выше, чем в развитых странах, поскольку доля заработной платы наемных работников в развитых странах составляет порядка двух третей ВВП, а в Казахстане удельный вес фонда оплаты труда в ВВП вдвое ниже [7].

Такая ситуация с оплатой труда казахстанцев стала возможной прежде всего потому, что из-за высокой доли а) иностранного капитала в сырьевом секторе и б) импорта оборудования для добывающих компаний, после первичного перераспределения в Казахстане остается лишь небольшая часть средств, полученных от экспорта сырья (по расчётам [3] – около 30%).

2. Проведённый нами анализ показал научную несостоятельность нескольких десятков государственных программ последнего десятилетия, направленных на преодоление рентоориентированности национальной экономики.

Следует отметить, что проведенный анализ лишь подтвердили вывод, ранее уже сделанный казахстанскими специалистами. В 2010 г. Государственной программой форсированного индустриально-инновационного развития Казахстана (ГПФИИР) было законодательно прекращено финансирование 52 принятых ранее программ [2]. Это произошло потому, что «все предшествующие программы, разрабатывалась без научно обоснованной методики, без концептуального видения перспектив развития отраслей как подсистемы глобальной производственной системы» [6].

Однако и задачи, поставленные в ГПФИИР, также не были научно обоснованы и реальны, хотя бы потому, что одной из них было увеличение доли несырьевого экспорта до 40% к 2015 г. [3]. Тем не менее, в рамках ГПФИИР было инвестировано 1,8 трлн. тенге, осуществлено 389 проектов, создано 90 тыс. рабочих мест, однако их качество оказалось таково, что «для достижения основной цели ГПФИИР – увеличения реального ВВП на 50% от уровня 2008 г. – пришлось бы реализовать более 6 тысяч аналогичных проектов на общую сумму 35–40 трлн. тенге (250 млрд. дол. США) [6].

Для сравнения: за последние 5 лет в экономику Казахстана зарубежными инвесторами было вложено всего около 137 млрд. дол. США, в то время как расходы государства на антикризисные меры за этот период составили немногим более 14 млрд. дол. США [12]. Для экономики республики совершенно нереально найти 250 млрд. дол. США для решения задач ГПФИИР.

3. Можно ли считать проблему решённой в рамках принятой совсем недавно на замену ГПФИИР программы «Производительность 2020» [1]? По нашему мнению, это, к сожалению, не так. Концептуальные основы и методология новой программы совершенно не соответствуют масштабу глобальных вызовов, стоящих сегодня перед республикой.

Глобальная рыночная среда претерпела поистине глобальные изменения. Качественно изменились механизмы конкуренции (об этом пишут Х. Вайт [35], В. Зилицер [36], М. Каллон [16], В. Пауэлл [30], В. Радаев [25], Л. Смит-Дор [30] и др.), человечество на практике имеет дело не с конкуренцией, а с

глобальной системой "transfer pricing" [22]. История ресурсоизбыточных экономик знает массу примеров того, как «слабые государства становились жертвами ресурсного проклятия» [11] исключительно потому, что глобальные игроки меняли по своему усмотрению переоценившие свои возможности правительства [10].

За последние годы в мировой экономике сформировалась качественно новая структура корпоративного капитала и управления [17], достигнут предельный уровень насыщения рынков товаров и услуг для конечных потребителей [4]. Необходимость перехода к качественно новым подходам в планировании антикризисной экономической политики связана с возникновением новых глобальных тенденций – "grand design" [20] и "third industrial revolution" [21; 26] и другими глобальными тенденциями, сформулированными, например, авторами прогноза «Альтернативные миры 2030» [34]. Авторы, в частности, предполагают, что новые технологии добычи углеводородного сырья скоро разрушат существующую систему контроля цен на нефть со стороны ОПЕК, что приведет к коллапсу цен на энергоносители и сильнейшему негативному эффекту для экономик, зависящих от их экспорта.

Выводы. При разработке и анализе стратегии экономической политики, как правило, постулируется утверждение, что её целью является реструктуризация промышленности (а модернизация – ключевой инструмент ее реализации).

Однако, как показывает проведённое нами исследование, реструктуризация, модернизация и диверсификация – это отнюдь не цели или инструменты экономической политики, а всего лишь её возможные последствия, побочные результаты успешного поиска «свободной ниши», конкурентного преимущества страны на насыщенных и стагнирующих рынках. Поэтому любые планы и программы, в которых реструктуризация и модернизация трактуются как самодостаточные цели экономической политики, обречены на провал.

Экономическая политика государства в современных условиях – это стратегия и тактика формирования в стране кластеров востребованных и обеспеченных ресурсами конкурентоспособных производств, способных обеспечить прорыв на определенный сегмент мирового рынка. Ключевым вопросом экономической политики является то, какой именно продукт страна может продвинуть на переполненные глобальные рынки.

Причём недостаточно просто найти продукт, который страна может предложить – обязательно надо ещё и найти эффективный способ конкурентной борьбы с глобальными игроками. Выбор, конечно, зависит прежде всего от соотношения масштабов национальной экономики и международных корпораций, доминирующих в данном сегменте рынка. Если эта проблема будет успешно решена (и оперативно воплощена в экономической политике), её результатом непременно станут реструктуризация, диверсификация и модернизация национальной экономики.

1. Об утверждении Программы «Производительность 2020»: Постановление Правительства Республики Казахстан от 14.03.2011 №254 // online.zakon.kz.

2. Об утверждении Программы форсированного индустриально-инновационного развития Казахстана на 2010–2014 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 23.02.2010 // ru.government.kz.

3. *Амалбаев А.* Шесть упущений одной индустриализации Интервью с Ю.Храмцовым // Эксперт Казахстан.— 18.02.2013.— №7(399) // expertonline.kz.
4. *Григорьев О., Хазин М.* Проблема рисков в современной экономике: Доклад на экономическом Форуме в Астане (Казахстан) июль 2010 года // Однако.— 2010.— №28.— С. 23–31.
5. *Гуриев С., Сонин К.* Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики.— 2008.— №4.— С. 61–74.
6. *Кажыкен М.З.* Структура экономики Казахстана: основные характеристики диспропорций и их причины // Экономика и статистика.— 2011.— №4.— С. 70–78.
7. *Кошанов А.* Индустриально-инновационные вызовы глобализации и новые императивы социализации общественного производства в Казахстане // Экономика: стратегия и практика.— 2012.— №2.— С. 6–11.
8. Материалы VI Международной Кондратьевской конференции «Есть ли у России несырьевое будущее?». — М.: Институт экономики РАН, 2008. — 412 с.
9. Минерально-сырьевые ресурсы и экономическое развитие: Сборник научных трудов / Отв. ред.: В.Б. Кондратьев, Ю.Л. Адно. — М.: ИМЭМО РАН, 2010 — 211 с.
10. *Перкинс Дж.* Тайная история американской империи. Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. — 448 с.
11. *Полтерович В., Попов В., Тонис А.* Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия»: Доклад к VIII Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и общественное развитие» (Москва, 3–5 апреля 2007 г.). — М.: ГУ ВШЭ, 2007. — 98 с.
12. Промышленность Казахстана и его регионов 2007–2011: Статистический сборник. — Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2012. — 230 с.
13. *Сонин К.* Институциональная теория бесконечного передела // Вопросы экономики.— 2005.— №7.— С. 4–18.
14. *Auty, R.* (2001). Resource Abundance and Economic Development. Oxford: OUP. 356 p.
15. *Bruno, M., Sachs, J.* (1982). Energy and Resources Allocation: A Dynamic Model of the "Dutch Disease". Review of Economic Studies, 51(159): 845–859.
16. *Callon, M.* (2006). What Does It Mean to Say That Economics Is Performative? Centre de Sociologie de l'Innovation Ecole des Mines de Paris // www.csi.ensmp.fr.
17. *Coghlan, A., MacKenzie, D.* (2011). Revealed – the capitalist network that runs the world. New scientist, 19.10.2011 // www.newscientist.com.
18. *Corden, W.M., Neary, J.P.* (1982). Booming Sector and De-industrialisation in a Small Open Economy. Economic Journal, 92(368): 825–848.
19. *Harding, T., Venables, A.J.* (2011). Exports, Imports and Foreign Exchange Windfalls // www.eea-esem.com.
20. *Hawking, S.* (2010). The Grand Design. New York: Bantam Books. 325 p.
21. *Marsh, P.* (2012). The New Industrial Revolution: Consumers, Globalization and the End of Mass Production. London: New Haven, CT: Yale U Press. 320 p.
22. *McAulay, L., Tomkins, C.R.* (1992). A review of the contemporary transfer pricing literature with recommendations for future research. British Journal of Management, 3: 101–122.
23. *Papyrakis, E., Gerlagh, R.* (2004). The resource curse hypothesis and its transmission channels. Journal of Comparative Economics, 32: 181–193.
24. *Popper, K.R.* (2011). The Open Society and Its Enemies. Vol. 2. Nabu Press. 284 p.
25. *Radaev, V.* (2004). How Trust is Established in Economic Relationships when Institutions and Individuals Are Not Trustworthy: The Case of Russia. In: J. Kornai, B. Rothstein, S. Rose-Ackerman (eds.). Creating Social Trust in Post-Socialist Transition. New York: Palgrave Macmillan. Pp. 91–110.
26. *Rifkin, J.* (2011). The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World. Publisher: Palgrave Macmillan. 304 p.
27. *Sachs, J., Warner, A.* (1997). Fundamental Sources of Long Run Growth. American Economic Review Papers and Proceedings, 87(2): 184–188.
28. *Sala-i-Martin, X.* (1997). I Just Ran Two Million Regressions. American Economic Review Papers and Proceedings, 87(1): 178–183.
29. *Sala-i-Martin, X., Subramanian, A.* (2003). Addressing the Natural Resource Curse: an Illustration from Nigeria. NBER Working Paper N 9804 // www.nber.org.
30. *Smith-Doerr, L., Powell, W.* (2005). Networks and Economic Life. In: N. Smelser and R. Swedberg (eds.). The Handbook of Economic Sociology. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press. Pp. 377–402.

31. *Spatafora, N., Warner, A.* (1995). Macroeconomic Effects of Terms-of-Trade Shocks. The Case of Oil-Exporting Countries. World Bank Policy Research Working Paper N1410 // ideas.repec.org.

32. *Stijns, J.P.* (2003). An empirical test of the Dutch Disease hypothesis using a gravity model of trade. Working paper N0305001, University of California at Berkeley, Department of Economics // ideas.repec.org.

33. United Nations (2012). Economic and social survey of Asia and the Pacific. Pursuing shared prosperity in an ERA of turbulence and high commodity prices // www.apec-center.ru.

34. USA National Intelligence Council (2012). Global Trends 2030: Alternative Worlds // www.intelros.ru.

35. *White, H.* (2004). Markets from Networks: Socioeconomic Models of Production. Princeton: Princeton University Press. 416 p.

36. *Zelizer, V.* (2005). Culture and Consumption. In: N. Smelser and R. Swedberg (eds.). The Handbook of Economic Sociology. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press. Pp. 331–354.

Стаття надійшла до редакції 1.04.2013.